

С. В. Иванова S. V. Ivanova
З. З. Чанышева Z. Z. Chanysheva
Уфа, Россия Ufa, Russia

НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ПРЕЦЕДЕНТЫ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Рассматривается явление прецедентности на базе взаимодействия двух лингвокультур сквозь призму дихотомии «свой»/«чужой». Будучи перенесенным в чужую культуру, прецедентное явление трактуется как ксенотекст. Выделяются свойства ксенотекста, к которым относятся привязанность к чужой культуре, сохранность в когнитивной базе чужого лингвокультурного сообщества и возможность смысловых трансформаций при перенесении в другую культуру. Исследование позволяет выявить пять моделей взаимодействия своего и чужого в рамках реализации прецедентности. Особое внимание уделено семантическим преобразованиям ксенотекстов, которые служат повышению воздействующего и манипулятивного потенциала политического дискурса СМИ.

Ключевые слова: прецедентный феномен; ксенотекст; категория «свой — чужой»; технологии воздействия; манипулятивные технологии; лингвокультура; политический дискурс; дискурс СМИ.

Сведения об авторе: Иванова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии и межкультурной коммуникации.

Место работы: Башкирский государственный университет.

Контактная информация: 450074, г. Уфа, ул. Коммунистическая, д. 19, к. 8.
e-mail: svet.victoria@mail.ru.

Сведения об авторе: Чанышева Зульфира Закиевна, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации.

Место работы: Башкирский государственный университет.

Контактная информация: 450074, г. Уфа, ул. Коммунистическая, д. 19, к. 8.
e-mail: chamyshevazz@yandex.ru.

NATIONAL CULTURAL PRECEDENTS IN POLITICAL COMMUNICATION

Abstract. The article is devoted to precedent phenomena studied through the perspective of the interaction of two linguocultures on the basis of US — THEM dichotomy. Functioning in a foreign culture, a precedent phenomenon is looked upon as a xenotext. The authors single out basic features of xenotexts, which include their existence as part of a xenoculture, their storage in the cognitive basis of a foreign linguo-cultural community and a possibility of semantic transformations when transferred to a new culture. The research makes it possible to reveal five models of US — THEM interaction realizing precedent phenomena. Special emphasis is made on semantic transformations as contributing to increasing the persuasive and manipulative potential of mass media political discourse.

Key words: precedent phenomenon; xenotext; US — THEM category; persuasion technologies; manipulative technologies; linguoculture; political discourse; mass media.

About the author: Ivanova Svetlana Viktorovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of English Philology and Intercultural Communication.

Place of employment: Bashkir State University.

About the author: Chanysheva Zulfira Zakievna, Doctor of Philology, English Philology and Intercultural Communication Department, Professor.

Place of employment: Bashkir State University.

1. ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Исследовательский интерес к изучению прецедентности обусловлен не только сложным характером данного явления, но и его несомненной ролью в формировании воздействующего потенциала политического и массмедийного дискурса. Прецедентность, интерпретируемая как восхождение к предшествующему тексту культуры (а текстом культуры, в понимании Ю. М. Лотмана, является всякое культурно значимое сообщение [Лотман 2002: 25]), ставит перед лингвистами многочисленные вопросы о природе и функциях прецедентности, о типологии и классификации прецедентных феноменов, о роли прецедентности в передаче информации текста. Неоспорима роль прецедентности и в межкультурном общении. Так, будучи лингвокультурологической категорией, прецедентность служит маркированию своих и чужих, выполняя в данном случае паролльную функцию [Иванова, Чанышева 2010: 92].

Вместе с тем хотелось бы с некоторым сожалением отметить, что известные классифи-

кации прецедентных феноменов в недостаточной мере учитывают их функционирование в межкультурном пространстве, в котором неизбежно происходит соприкосновение актуализируемых смыслов, определяемых разнообразными факторами: культурными, национальными, ситуативными, филологическими, языковыми, личностными. Межкультурная адаптация создает проблемы в любой коммуникации, и политическая коммуникация не является исключением. Цель данной статьи состоит в том, чтобы раскрыть специфику функционирования в тексте прецедентных феноменов, рассматриваемых в рамках дихотомии «свой/чужой». Реализация данной цели требует построения текстовых моделей взаимодействия «своего» и «чужого» и экспликации смысловых преобразований, возникающих на основе различных модификаций «своего» и «чужого». Важным инструментом анализа, позволяющим в рамках прецедентности отграничить элементы одной культуры от другой, выступает такой термин, как *ксенотекст*.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Методологической базой исследования является теория прецедентности, связанная с проблемой вторичности использования единиц языка в речи. Анализ прецедентности выдвигает задачу идентификации претекста, т. е. текста, предшествующего данному, в отличие от простого повтора, неизбежного в общении. Концепция вторичности высказывания, наполненного отзвуками других высказываний и выполняющего роль звена «в очень сложно организованной цепи других высказываний» [Бахтин 2000: 261], и текста, отражающего «в себе все тексты данной смысловой сферы» [Там же: 301], является базовой для современных теорий текстуальности, интертекстуальности и интердискурсивности во всех проявлениях межтекстовых отношений. В лингвистике текста и дискурсологии описываются разные виды подобных связей, которые, как правило, зиждутся на идее прецедентности, разделяя это общее свойство, но одновременно приобретая ряд неповторимых характеристик (ср.: *пародия, цитата, плагиат, аллюзия* и т. д.). Тем не менее термин *прецедентный текст*, как и ряд сопряженных видовых понятий (*прецедентное имя, ситуация и событие*), исследуется как автономное явление, отличное от вышеупомянутых.

Мысль М. М. Бахтина о вторичности любого текста подводит к проблеме идентификации *такого* текста, который имеет признаки прецедентного при вхождении в новый текст. Вполне резонно ожидать, что ключевые параметры прецедента, важнейшие для его опознания, отражены в его определении. Наиболее авторитетным и общепризнанным является определение прецедента, предложенное Ю. Н. Карауловым. Это уже ставшее классическим определение основано на следующих признаках: (1) значимость для языковой личности в познавательном и эмоциональном отношениях, (2) сверхличностный характер и (3) многократное обращение в дискурсе данной языковой личности [Караулов 2003: 216]. В определении Е. А. Нахимовой акцент перенесен с языковой личности на лингвокультурное сообщество, поэтому на первый план выносятся именно (1) факт известности прецедента значительной части лингвокультурного сообщества, (2) актуальность прецедентного текста в когнитивном плане и, наконец, (3) обращение к прецедентам в речи представителей лингвокультурного сообщества [Нахимова 2004: 173].

На наш взгляд, поскольку любой прецедентный текст имеет две ипостаси — языковую и культурную, — при обсуждении критериев его опознания желательно принимать во внимание и то и другое. Следовательно, целесообразно вести речь о дополнительных идентификационных характеристиках прецедентного текста, включающих отражение коллективной **ценности** культурно-языкового факта в данном лингвокуль-

турном сообществе, благодаря которой он закрепляется в культурной памяти сообщества; **ретроспективный** вектор смыслового развертывания, который показывает, что прецедентный текст способен актуализировать в массовом сознании некоторый содержательный минимум, связанный с прошлым опытом сообщества, пережитым или почерпнутым из вторичных источников (устное народное творчество, художественная литература и др.); результат **стереотипизации прототипов** прецедентных явлений (реальных и вымышленных), отраженных в текстовой культуре народа. Перечисленные выше характеристики прецедентного текста можно использовать в процессе их идентификации по отношению к разным видам прецедентных феноменов (имя, ситуация, событие, текст).

Принципиальную значимость в модели двухуровневого анализа прецедентного феномена приобретает определение культуры, предложенное А. Вежбицкой. В культурноносных знаках культура проявляет себя как мир «Действительность» и мир «Идеальное», охватывая то, что «относится к материальной культуре... а также и к ценностям, идеалам и установкам людей и к тому, как они думают о мире и о своей жизни в этом мире» [Вежбицкая 2001: 15]. Следовательно, можно предположить, что функционирование прецедентных феноменов происходит в пределах пространства, обращенного одной стороной к миру реальности и другой стороной — к миру идеальному, представляющему оценочное отображение действительности. Очевидно, что смысловое восприятие прецедентных феноменов предполагает наличие в языковом сознании ключей от дверей, ведущих в оба мира.

Основная задача при восприятии идентифицированного в тексте прецедентного явления сопряжена со значительными трудностями и заключается в смысловой интерпретации большого объема стоящей за ним дополнительной внетекстуальной информации. Смысловые наращения производятся в фактуальной, образной, эмоциональной, идеологической, ценностной и других составляющих содержания текста, что способствует приданию тексту манипулятивно-суггестивной силы или ее усилению, а также созданию эффекта синергии. Ценностно-смысловое пространство политического дискурса вбирает в себя разные виды культурных коннотаций, появление которых актуализирует прецедентное явление. При этом установка СМИ на массового читателя обуславливает значительный удельный вес таких смысловых коннотаций, которые известны и коллективно разделяемы в сообществе, что, разумеется, не отрицает наличия в тексте выражаемых личностных оценок и мнений. Поэтому интерпретация прецедентной информации может быть успешной, если она позволит обнажить смысловые пласты на разной глубине содержания.

3. ГИПОТЕЗА

Собранный эмпирический материал и наблюдения над практикой работы СМИ Великобритании и США, которые обращаются к обзору связанных с Россией событий, позволяют говорить об опосредованном межкультурном диалоге, который предполагает тесное взаимодействие двух лингвокультур в рамках единого текстового целого. Для того чтобы произвести моделирование взаимодействия изучаемых лингвокультур в рамках текстового целого, необходимо локализовать дейктический центр, по отношению к которому можно было бы идентифицировать, что является «своим», а что «чужим»: таким центром является англоязычный корреспондент из англоязычных СМИ (адресант) и его анлогоговорящая читательская аудитория (адресат), вместе представляющие культуру, маркированную как «свою». Поскольку анализу подвергаются англоязычные СМИ, то упоминание российских прецедентов в англоязычной аудитории будет носить маркировку «чужое», в отличие от «своего», которое включает тексты культуры Великобритании или США (в зависимости от того, какое печатное издание представлено). Вместе с тем порою при описании фактов российской культуры журналист прибегает и к упоминанию третьей, внешней для обеих сторон культуры, что соответственно будет маркироваться уже как «чужое-2» в отличие от «чужого-1» (или «чужого»), служащего для обозначения российских прецедентов. Наконец, возможны варианты, когда «свое» для журналиста оказывается мнимым своим, поскольку оно было заимствовано чужим дискурсом, подверглось семантической трансформации и вернулось в исконный для себя дискурс уже как «свое-чужое», т. е. «свое» по форме, но «чужое» по содержанию. Анализ практического материала позволяет выделить несколько связанных со смысловыми преобразованиями прецедентных феноменов в политической коммуникации вариантов реализации дихотомии «свое»/«чужое»: (а) *свое в чужом-1*, (б) *чужое-1 в чужом-2*, (в) *свое-чужое в чужом-1*, (г) *чужое-1 в своем*, (д) *чужое-1 в чужом-1*.

Поскольку речь идет о контакте двух разных лингвокультур, одну из них, внешнюю по отношению к автору создаваемого текста, т. е. не-свою, чужую, можно обозначить формантом «ксено-», означающим чужеродность по отношению к чему-либо или чуждость чему-либо (ср.: *ксенолект*, *ксенонимы*, *ксенонимическая относительность* и др.). Необходимо напомнить, что термин «ксенопоказатель» был введен в обиход Н. Д. Арутюновой для обозначения чужой речи [Арутюнова 1992: 42] и был признан удачным целым рядом видных лингвистов (см., напр.: [Падучева 2011; Плунгян 2008]). Формантом «ксено-» пользуется Д. Вайс, исследуя цитаты. Исследователь отмечает, что, в отличие от прецедентных текстов, ксеноцитаты включают ссылки и на малоизвестных и неизвест-

ных авторов [Вайс 2014: 43], и, соответственно, данный термин обладает большим, если не сказать отличным, от прецедентного феномена семантическим объемом. Отличается у ксенотекста и референциальная отнесенность.

Предложенная терминология позволяет закрепить термин *ксенотекст* за разновидностью прецедентного текста, заимствованного из внешней культуры и используемого в тексте, создаваемом для представителей своей (внутренней) культуры. Данное понимание прецедентного ксенотекста позволяет отметить его важнейшие характеристики. Во-первых, ксенотекст всегда является национально-культурным и, следовательно, он привязан к национальной культуре, которая в данном случае является внешней по отношению к адресату создаваемого текста. Во-вторых, ксенотекст формируется и хранится в когнитивной базе другого народа, в которой представлено всё разнообразие культурных предметов из жизненного опыта и текстовой культуры народа, закрепляющих широкую палитру коллективных оценок в форме культурных коннотаций. Наконец, ксенотексты в силу перечисленных обстоятельств могут быть использованы в межкультурной коммуникации в качестве средств порождения неограниченного объема смысловых ассоциаций, выходящих за пределы их стереотипного национально детерминированного восприятия в своей культуре.

4. МЕТОДЫ И ОБСУЖДЕНИЕ МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве эмпирического материала использованы тексты из англоязычных СМИ Великобритании и США, так или иначе касающиеся внутренних и внешних событий, связанных с Россией. Собранный эмпирический материал был подвергнут анализу на основе общенаучных методов наблюдения, сравнения, анализа и синтеза, а также частных лингвистических методов, включающих контекстуальный анализ, лингвокультурологический анализ, дискурсивный анализ, дефинитивный анализ.

Рассмотрим более подробно упомянутые выше варианты реализации дихотомии «свой»/«чужой», обратившись к понятиям прецедентного текста и ксенотекста.

В первом случае («свое в чужом») ксеноэлементы относятся к единицам текста, освещающего происходящие в российской действительности события, при этом автор пользуется прецедентными текстами (именами, ситуациями) из собственной национально-культурной когнитивной базы.

Пример 1. *Pussy Riot's Kremlin protest owes much to riot grrrl* [The Guardian. 03.02.2012].

Данный пример является заголовком статьи в *The Guardian*, в которой протестное выступление российской женской панк-группы сравнивается с движением 90-х *Riot grrrl*, возникшим на тихоокеанском северо-западе США и позволившим прозвучать и быть услышан-

ным голосу женской альтернативы. Женщины, которые долго молчали и которым был закрыт путь в политику, СМИ и музыкальную индустрию, получили возможность говорить, и аудитория была готова выслушать то, что они скажут. Данное сравнение показывает, что автор довольно туманно представляет себе суть протестов молодых россиянок, которые проводили свои политические акции в форме несанкционированных выступлений на крышах домов, в общественном транспорте, церквях и других не предназначенных для этого местах. Однако подобные выходы были квалифицированы в российском обществе вовсе не как феминистский акт, как показалось автору статьи, а как хулиганские проявления и не встретили массового сочувствия и широкой поддержки.

Во втором случае («чужое-2 в чужом-1») автор создаваемого текста, содержащего оцениваемые ксенокомпоненты (чужое-1), вкрапляет ксеноэлементы внешней (третьей) культуры, приобретающие форму прецедентных ксенотекстов (чужое-2).

Пример 2. *Since then, Russians have felt the need to top the West. From wanting Moscow to be the **new Rome after the fall of Byzantium** (hence the adopted royal name Romanov) or the materialistic worship you now see in Moscow and other cities, Russians want to show they are just as good or better as Europe and America* [NYPost. 01.04.2014].

В данном примере автор усматривает в политике Москвы амбициозные цели превзойти по значимости Запад, претендовать на роль Третьего Рима, для чего прибегает к прецедентной ситуации *the fall of Byzantium* (падение Византии), что позволяет ему провести историческую параллель с известными событиями и обвинить Россию в стремлении соперничать с преуспевающими Европой и Америкой. Для этого использован авторский комментарий, в котором предлагается достаточно вольная авторская интерпретация происхождения имени династии Романовых, созвучного названию упомянутого города. Между тем игнорируется известный факт происхождения фамилии Романовых от старинного русского дворянского рода Романовых (именно Федор Никитич первым из рода стал носить фамилию «Романов» в честь своего деда Романа).

Наконец, в третьем случае («свое-чужое в чужом-1») автор включает ксеноэлементы двух видов: в форме ксенотекстов внешней, т. е. русской, в том числе текстовой, культуры, функционирующих как прецедентные явления, и в форме ксеноэлементов при описании объектов и событий, происходящих в границах внешней российской культуры.

Пример 3. *The concept of property and ownership is formed in early childhood. When a child for the first time gets a toy that he likes, which he loves, say, a teddy bear, he hugs it and he will never give it away, ever. This is what leads later on to*

the formation of this concept of ownership for everyone. And I said that for us, this beloved object, this "teddy bear" is Rosneft [WSJ. 22.10.2012].

В приведенном фрагменте из интервью главы «Роснефти» И. Сечина американской деловой газете российскому бизнесмену задали вопрос, что символизирует для него концепт *Teddy Bear* (плюшевый мишка). В американском сознании закрепились ассоциации, связанные с этой популярной игрушкой, названной в честь президента Теодора Рузвельта. Для американских детей она ассоциируется со многими источниками: сказкой А. Милна, песенкой, фильмом. В «чужом» культурном пространстве образ плюшевой игрушки может вызывать в сознании протестное движение в Беларуси, став символом оппозиции, связанной с так называемым «плюшевым десантом». Как видно из полученного от И. Сечина объяснения, плюшевый мишка для него не просто любимая игрушка, а способ воспитания у человека с младых ногтей чувства собственности и право собственности.

Четвертой модификацией является реализация модели «чужое-1 в своем». Ее яркой иллюстрацией может выступать заглавие *Obama Stalin*, помещенное на заметном месте вверху на домашней странице в Huffington Post от 4 ноября 2014 г. Целая серия статей, открывающих номер, является опровержением выступления католического епископа, уподобившего политику президента США Б. Обамы действиям Сталина и Гитлера [Huffington Post. 04.11.2014]. Уже контекстуальная близость имен *Stalin* и *Hitler* дает основания интерпретировать оба имени как обозначения жестоких тиранов. Такая интерпретация находит подтверждение в словаре культурной грамотности Э. Д. Хирша, где подчеркивается, что Сталин правил Советским Союзом, зачастую проявляя крайнюю жестокость (*Stalin ruled the Soviet Union, often with extreme brutality* [Hirsh 2002: 242]). Несмотря на то что фигура Сталина неоднозначна и в различных кругах современной России порождаемые ею ассоциации прямо противоположны, тем не менее, согласно словарной статье из «Русско-английского культурологического словаря» под общим руководством С. Г. Тер-Минасовой, Сталин позиционируется как выдающийся партийный и государственный деятель (*An eminent Soviet party and states figure* [Бурак 2002: 105]). Далее словарная статья упоминает и о репрессиях, и о культе личности, но показательным является то, что оценочные формулировки, помещенные в начале каждой из проанализированных словарных статей, находятся в резком диссонансе. Представляется, что в данных оценочных характеристиках отражается и различие в восприятии этой исторической фигуры в каждом из лингвокультурных сообществ.

Наконец, пятой возможной конфигурацией взаимодействия «своего» и «чужого» является «чужое-1 в чужом-1».

Пример 4. *Meanwhile the true extent of its holdings is obscured by shadowy corporate shell structures that nest like matryoshka dolls, one inside the next* [NYTimes. 27.09.2014].

Авторы статьи рассуждают о том, что истинный объем капиталов банка скрыт структурами, которые, как матрешка, гнездятся одна в другой. Матрешка, несомненно, является ксеноэлементом для англоязычной аудитории. В рамках описания чужой для американцев российской действительности упоминание о матрешке позволяет активировать ксеноэлемент в тексте о чужой культуре («чужое-1 в чужом-1»). Вкрапление данного элемента призвано подчеркнуть идею о том, что, как это представляется носителям внешней для российского культурного пространства культуры, непрозрачность ведения дел является приемлемой и исконной для русского сознания. Кукла матрешка — символ русской народной культуры для Запада — связана в англоязычной культуре с отрицательным смыслом о хитроумной задумке — красивой на вид кукле, которая в своей сложной конструкции прячет нечто неприглядное. Это истолкование в корне отличается от тех смыслов, которые несет матрешка для представителей российской культуры: матрешка — это пухлая хохотушка. Данный пример вновь демонстрирует тот факт, что импорт ксеноэлементов в новую культуру нередко приводит к наполнению их новыми, отличными от исконных смыслами.

5. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СМЫСЛОВЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ КСЕНОЭЛЕМЕНТОВ В ТЕКСТЕ

Очевидно, что в зависимости от характера ксеноэлементов и их роли в создаваемом тексте срабатывают разные механизмы смыслового насыщения текста, что необходимо учитывать в процессе его восприятия. Рассмотрим предложенную классификацию ксеноэлементов на примере прецедентных явлений, используемых в англоязычных СМИ, учитывая приемы их авторского оформления. Объем смысловых искажений и намеренных или ненамеренных отступлений может возрастать не только по причине неполного или неточного владения прецедентной информацией, но и в результате сознательной установки автора на создание желаемого суггестивно-манипулятивного воздействия на сознание массового читателя.

При внедрении прецедентного текста из собственной внутренней культуры в политический дискурс о «чужом», как правило, происходят глубокие смысловые трансформации, нередко в результате умышленного искажения закрепившихся коннотаций.

Пример 5. *Never in history has an invasion been so “deniable”. According to Moscow, Russian paratroopers found deep inside Ukraine were “lost”; others are “on holiday” there; an armoured column spotted crossing the border did so “by accident”. All this is rather imaginative, compared*

with the “little green men” (здесь и далее выделено нами. — С. И., З. Ч.) *who took Crimea in the spring* [The Guardian. 29.08.2014].

В англоязычном культурном пространстве *little green men* (маленькие зеленые человечки) впервые появилось в научно-фантастическом романе «Martians, Go Home», написанном Фредериком Брауном. Данное выражение приобрело уничижительный оттенок, обозначая инопланетян. Дальнейшее развитие происходило под влиянием сериала *The X-Files* («Секретные материалы»), в котором с данным прецедентом ассоциируются заговоры против правительства, борьба с неземными цивилизациями. Западная пресса стала использовать данный прецедентный текст не столько с иронией, сколько в обвинительном ключе, описывая, как в приведенном примере, ситуацию присоединения Крыма к России. Выражения в кавычках призваны произвести впечатление цитат, взятых из русскоязычной прессы, освещающей события на юго-востоке Украины, но в тексте они все получают негативные коннотации, поскольку не вызывают у автора большого доверия. Истинный смысл, продуцируемый анализируемым прецедентным текстом, становится прозрачным при прочтении всего материала, который изобилует эксплицитными оценочными атрибутами: *armed “men in green”, pro-Russia activists, masked gunmen in camouflage, singing along to a pop song about the Soviet Union, the men with guns here from Russia, from GRU Military Intelligence, they’ve been sent here and paid to make revolts and calamities*. Тема «военного вторжения» России в Крым и его «аннексии» постоянно муссируется в англоязычной прессе, где не последнюю роль играет навязываемая прецедентная информация, усиливаемая за счет новых обвинений и инсинуаций.

Излюбленным приемом уплотнения смыслового пространства является конвергенция прецедентных текстов из своего культурного наследия и прецедентных ксенотекстов из «чужой» текстовой культуры.

Пример 6. *Then there was Russia’s humanitarian aid convoy of 260 trucks, which was widely decried in the west as a Trojan horse, “almost certainly” carrying arms and men deep into Ukraine. In fact, it proved to be less a Trojan than a **Potemkin horse**, half-empty inside and designed to impress — and perhaps to divert attention from the real military subterfuge going on elsewhere. More aid convoys are promised — and the next step could be to provide “peacekeeping” troops to protect them* [The Guardian. 29.08.2014].

Приведенный пример показывает взаимодействие в тексте двух видов ксеноэлементов: во-первых, речь идет о российском гуманитарном конвое из 260 грузовиков, который в данном случае является ксеноэлементом, относящимся к реальным отношениям между Россией и Украиной в период военного кризиса. Во-вторых, автор выражает свое субъективное мнение и резко негативную оценку происходя-

щего, используя для этого ксенотекст в виде прецедентного имени *Potemkin* в сочетании со словом *horse*. Для носителя русского языка в сознании возникнет прецедент *потемкинские деревни*, отсылающий ко временам императрицы Екатерины II и означающий создание показного блеска, мнимого благополучия. Из русской историографии известно, что князь Г. А. Потемкин перед посещением Крыма императрицей приказал установить на пути ее следования декоративные подобию селений, чтобы убедить ее в своих успехах по освоению южных земель России. Однако автор статьи создает более сложную смысловую конфигурацию, сталкивая два прецедентных феномена. В результате их сближения в данном примере осуществляется взаимодействие двух культурных контекстов, так как упомянутая выше национально-культурная прецедентная ситуация совмещается с прецедентной ситуацией из универсального фонда *Trojan horse* (*троянский конь*), что, по мысли автора, должно помочь в смысловой интерпретации образа. Но в итоге образ полупустого коня контрастирует с сюжетом древнегреческого предания, согласно которому в огромном деревянном коне спрятались ахейские воины, осаждавшие Трою. Как известно, в русском языковом сознании данное выражение закрепилось в несколько другом значении: тайный, коварный замысел, замаскированный в виде подарка. В результате взаимодействия двух прецедентных феноменов автор навязывает массовому читателю мысль о видимости гуманитарной помощи со стороны России, основная цель которой, помимо показательной акции, состоит в том, чтобы послужить искусной уловкой и отвлечь внимание от реальной военной помощи, поскольку далее автор прибегает к иронии, используя в кавычках выражение *“reassessing” troops* (*«миротлюбивые» воинские части*), которым придется обеспечивать безопасность грузов.

Одной из наиболее сложных проблем в практике использования прецедентных феноменов в межкультурной коммуникации является трансформация смыслов как в рамках внутренней культуры, так и под влиянием внешнекультурных факторов. На самом деле границы смыслового наполнения прецедентных феноменов довольно подвижны, что приводит к преобразованиям и модификациям их содержания, нередко по индивидуальному усмотрению автора статьи. С этой целью используются всевозможные приемы, основанные на столкновении разных культурных контекстов, обеспечивающих условия для смыслопорождения. Пожалуй, наиболее активной формой речевого воздействия на массовое сознание является внедрение устоявшихся прецедентных явлений из внутренней культуры в чужой текст. Подобные стереотипы обладают, как правило, отрицательной культурной коннотацией, раз-

деляемой в обществе, и автоматически срываются, вызывая ожидаемые оценки.

Пример 7. *He’s often viewed as the junior partner in the political double act running Russia — junior to prime minister Vladimir Putin. As one leaked US embassy cable put it, Medvedev “plays Robin to Putin’s Batman”* [BBC News. 10.12.2012].

Выражение *play Robin to Batman* призвано активизировать в массовом сознании имена вымышленных супергероев из фильма режиссера Джозела Шумахера, который, согласно рейтингу худших фильмов в истории человечества, составленному журналом *«Empire»* на основе интернет-голосования читателей, занял лидирующие позиции. В этом популярном супергеройском комиксе действует таинственный мститель Бэтмен, ставший на защиту слабых против преступников в городе Готэме, что, очевидно, рисует картину борьбы между преступными кланами России. Хотя сюжет фильма и персонажи вызывают у американцев положительные эмоции, главным в данном выражении является распределение ролей в «тандеме лидерства» (*the leadership tandem*), поскольку Д. Медведеву отведена унижительная роль ведомого и подчиненного — *sidekick* (*a person’s assistant or close associate, esp. one who has less authority than that person* [The New Oxford American Dictionary]). В данном контексте достаточно сослаться на пример неравноправных отношений между Канадой и США, поскольку у канадцев, по мнению анонимного дипломата, в результате следования в фарватере американцев развивается комплекс неполноценности.

Еще большей манипулятивной силой воздействия обладает обновление и активное внедрение в чужой текст оценочных предикатов, призванных давать характерологический портрет человека, в особенности политического лидера, в котором не видят союзника. Со временем в результате постоянной активизации в сознании они приобретают статус прецедентных феноменов с обновленным смыслом, поскольку им отводится особая роль в ценностном и идеологическом пространстве политической коммуникации.

Пример 8. *In spite of widespread criticism of Moscow’s handling of the crisis, the forest fires burning across Russia have provided Prime Minister Putin with another chance to boost his personal popularity by presenting himself as a strong, tough leader. But Putin is best known to Russians as a strong leader, a “man on horseback” in the tradition of Stalin and Peter the Great. Putin’s popularity crested with his image as the kind of strong leader who could play tough — even dirty — when the circumstances merit* [The Independent. 12.08.2010].

Для массового сознания американцев более близок образ со схожей коннотацией, вызываемой выражением *strong man / strongman*, которое имеет длительную практику примене-

ния. Исторически его появление связывают с притчами Иисуса Христа о сильном вооруженном человеке: «...a leader who uses force to obtain and hold power; politician or leader who uses violence or threats despot; dictator. For example, Strongman Porfirio Díaz took over after Juárez in 1876, ruled [Mexico] with an iron hand» [Frank 2000]. Тезаурус Моби приводит список из более 30 слов с близким значением, в который включены, наряду с именами древнегреческих и римских титанов, современные герои, отвечающие признакам сильной, авторитарной, жестокой личности диктатора (*Antaeus, Atlas, Briareus, Brobdingnagian, Charles Atlas, Cyclops, Goliath, Hercules, Polyphemus, Samson, Superman, Tarzan, Titan, bully, bullyboy, colossus, despot, dictator, duce, giant, gorilla, muscle man, oppressor, powerhouse, stalwart, strong-arm man, the mighty, the strong, tough, tough guy, tower of strength* [Moby Thesaurus]).

В американской политической культуре перенос данного прецедентного образа на российского президента можно датировать публикацией в 2013 г. книги бывшего корреспондента BBC в Москве Ангуса Роксборо *The Strongman: Vladimir Putin and the Struggle for Russia*. Однако автор не сумел создать убедительного характера сильной личности российского лидера, способного вызывать уважение, почтение и другие позитивные эмоции. Поэтому неудивительно, что очень скоро влиятельная англоязычная пресса начинает трансформировать предложенный образ в противоположный ему, с явно читаемой отрицательной коннотацией. В статье *Not such a strongman / He may be tough and tough* авторитетный журнал *The Economist* прибегает к иронии и рисует главу России совершенно в другом свете, ссылаясь на иные публикации и книги с многозначительными названиями, широко использующими «свои» прецедентные феномены: *The Man Without a Face: The Unlikely Rise of Vladimir Putin* (автор — Masha Gessen) / *Человек без лица* (ссылка на одноименный фильм Мела Гибсона): *невероятное возвышение Владимира Путина* (трансформация прецедентного имени, известного рассказа Э. А. По *Падение дома Ашероу* / *The Fall of the House of Usher*); *Russian Politics: The Paradox of a Weak State* (автор — Marie Mendras) / *Русская полтика: парадокс слабого государства* (трансформация прецедентного имени *The Tale of Two Cities*, известной повести Чарльза Диккенса) — и, делая заключение о несоответствии российского лидера привычному положительному стереотипу в оценке американцев: *The “strongman”, a label given to Mr Putin in a friendlier recent book by Angus Roxburgh, may end up being rather weaker than he looks* [The Economist. 09.06.2012]. Ироническому тону автора данной статьи вторит публикация в газете *New York Times*, использующая прием ребрендинга [Иванова 2013: 45], который сводится к тому, что новое именование,

выступая как номинативно-образно-символьный комплекс, меняет знак оценки имени с позитивного на негативный:

Пример 9. *Though he has long cultivated an image as a strong man, President Vladimir Putin of Russia actually seems weak and insecure, a judgment reinforced every time he manipulates the system to crush a potential political rival... The charges and heavy punishment were a transparent retaliation for Mr. Navalny's campaign against public corruption and Mr. Putin's United Russia political machine as a party of “swindlers and thieves”* [NYTimes. 18.07.2013].

В целом довольно многочисленные примеры использования именованного *strongman* в отношении В. В. Путина в американской прессе дают основания констатировать, что оно в настоящее время подвергается ребрендингу и используется либо в ироническом (ср.: *As any strongman would, when sentenced to recession by Washington and Brussels, Mr Putin has taken the stinging slap without showing a trace of pain (even though his economy is hurting) and then hit back again, daring the West to go further*) / *Как сделал бы это любой крутой парень, будучи приговоренным Вашингтоном и Брюсселем к рецессии, г-н Путин не выказал и следов боли от удара хлыстом (несмотря на болезненность происходящего для его экономики) и затем опять дал сдачу, подталкивая Запад к дальнейшим шагам* [The Telegraph. 30.08.2014]), либо в резко отрицательном контексте (пример 9), хотя не исключаются спорадические варианты относительно нейтрального контекста с легким намеком на иронию (ср.: *Over the past year, we've seen a consistent trend in both the United States and Europe of conservative admiration for Putin, a strongman praised for his decisive leadership, Christian values and old-school nationalism* [Washington Post. 25.08.2014]) / *В последние годы мы наблюдаем последовательную тенденцию, проявляющуюся как в США, так и в Европе, — тенденцию выражения восхищения Путиным, сильным человеком, который заслуживает похвалы за решительность лидера, христианские ценности и приверженность к старой школьной традиции своих не сдавать*).

6. ВЫВОДЫ

Предмет межкультурной коммуникации позволяет подойти к прецедентным феноменам с позиции дихотомии «свой»/«чужой», выдвинув в фокус исследования национально-культурные прецеденты. Такая постановка проблемы связана с тем, что в межкультурной коммуникации не последнюю роль играет источник порождения претекста, а это в значительной степени влияет на специфику его смыслового восприятия и глубину понимания представителями иной лингвокультуры. Наши наблюдения за использованием прецедентных явлений, формирующихся в русском культурном пространстве, в англоязычных СМИ свидетельст-

вуют о том, что они становятся мощным инструментом речевого воздействия на массовое сознание целевой аудитории. В практике использования прецедентных феноменов в масс-медиа можно отметить усиление технологичности по отношению к разным источникам и каналам смыслопорождения [Иванова 2008; Чанышева 2014]. «Игры со смыслами» часто свидетельствуют об авторском произволе в обращении с культуросносными знаками, каковыми являются прецедентные феномены, кодирующие явления и события несвоей культуры и отражающие их ценностное восприятие.

В исследовании прецедентных феноменов данного типа существует по-прежнему много «белых пятен», поскольку не снимается проблема так называемой культурной адаптации, как внутрикультурной, так и межкультурной. Нередко даже в условиях внутрикультурного общения прецедентный текст не всегда и всеми воспринимается как таковой, и содержание текста может ограничиваться пределами словарного значения составляющих его единиц за счет актуализации «поверхностного» смыслового пространства. Таким образом, функционирование прецедентных феноменов в речевом общении как своего рода пароля, т. е. метки принадлежности к своей культуре, не всегда производит ожидаемый эффект. Данная ситуация усугубляется при восприятии прецедентных явлений, формирующихся в рамках «чужой» культуры, если уровень образованности, культуры и эрудиции читателя не обеспечивает необходимого кода доступа в соответствующее смысловое пространство. В связи с этим термин *ксенотекст*, обозначающий разновидность прецедентного текста, заимствованного из внешней культуры и используемого в тексте, который создается для представителей своей (внутренней) культуры, оказывается наиболее чувствительным и продуктивным при описании взаимодействия лингвокультур. Он позволяет выявить национально-культурную специфику прецедентов за счет более точного определения исследователем актуализируемых в тексте целом смыслов. Более того, он позволяет выявить внутреннюю противоречивость одного и того же прецедента, который, функционируя как ксенотекст, может выражать отличные от своего исконного дискурса смыслы.

Оценивая возможности использования ксенотекстов в дискурсе СМИ, необходимо еще раз отметить не только их большую воздействующую силу, но и манипулятивность, обусловленную возможностями разнообразных семантических преобразований при перенесении прецедентов из текстов одной культуры в другую.

ИСТОЧНИКИ

1. *Barton L.* Pussy Riot's Kremlin protest owes much to riot grrrl // *The Guardian*. 03.02.2012. URL: <http://www.guardian.co.uk> (дата обращения: 24.09.2014).
2. *Foster P.* American Way // *The Telegraph*. 30.08.2014. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/>

[worldnews.us-politics/11065494/Vladimir-Putin-has-absorbed-the-West's-consequences-and-stepped-up-his-aggression.html](http://www.worldnews.us-politics/11065494/Vladimir-Putin-has-absorbed-the-West's-consequences-and-stepped-up-his-aggression.html) (дата обращения: 01.09.2014).

3. *McLynn F.* Villa and Zapata: A History of the Mexican Revolution. — New York: Carroll and Graf, 2000.

4. *Harding L.* WikiLeaks cables: Dmitry Medvedev "plays Robin to Putin's Batman" — US diplomats consider Vladimir Putin to be the real ruler of Russia despite handing over presidency to Dmitry Medvedev // *BBC News*. 10.12.2012. URL: <http://www.bbc.co.uk/programmes/b01p8t64> (дата обращения: 30.09.2014).

5. *Obama Stalin* // *The Huffington Post*. 04.11.2014. URL: <http://www.huffingtonpost.com/news/obama-stalin/> (дата обращения: 04.11.2014).

6. *Luhm A.* Russia tightens limit on foreign ownership of media // *The Guardian*. 26.09.2014. URL: <http://www.theguardian.com/world/2014/sep/26/russia-limit-foreign-ownership-media> (дата обращения: 01.10.2014).

7. *Mendras M.* Russian politics: Not such a strongman // *The Economist*. 09.06.2012. URL: <http://www.economist.com/node/21556543> (дата обращения: 01.10.2014).

8. *Moby Thesaurus*. URL: <http://englishtips.org/1150798577-moby-thesaurus.html> (дата обращения: 25.09.2014).

9. *Mr. Putin Tries to Crush Another Rival* // *NYPost*. 18.07.2013. URL: http://www.nytimes.com/2013/07/19/opinion/mr-putin-tries-to-crush-another-rival.html?_r=0 (дата обращения: 26.09.2014).

10. *Myers S. L., Becker J., Yardley J.* Private Bank Fuels Fortunes of Putin's Inner Circle // *NYTimes*. 27.09.2014. URL: <http://www.nytimes.com/2014/09/28/world/europe/it-pays-to-be-putins-friend.html> (дата обращения: 28.09.2014).

11. *Rojansky M.* Putin Plays the Action Man But Support May Begin to Wane // *The Independent*. 10.07. 2010. URL: <http://carnegie.ru/publications/?fa=41377> (дата обращения: 01.10.2014).

12. *Rosenberg St.* Ukraine crisis: Meeting the little green men // *BBC News*. 30.04.2014. URL: http://www.bbc.com/news/30_April_2014 (дата обращения: 28.09.2014).

13. *Rosneft's Igor Sechin Q&A Transcript With WSJ* // *Wall Street Journal*. 2.11.2012. URL: <http://www.wsj.com/emerging-europe/2012/11/02/rosneft-ignor-sechin-qa-transcript-with-wsj/> (дата обращения: 25.09.2014).

14. *Roxburgh A.* No one knows what Putin's up to, but sanctions are the west's biggest mistake // *The Guardian*. 29.08.2014. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/aug/29/ukraine-putin-sanctions-west-biggest-mistake> (дата обращения: 29.09.2014).

15. *The New Oxford American Dictionary*. URL: <http://www.en.academic.ru/dic.nsf/enwiki/13401> (дата обращения: 24.09.2014).

16. *Tharoor I.* Why US conservatives love Russia's Vladimir Putin? // *Washington Post*. URL: <http://www.washingtonpost.com/blogs/worldviews/wp/2014/08/25/why-u-s-conservatives-love-russias-vladimir-putin/> (дата обращения: 29.08.2014).

17. *Weir F.* Is Russia's Paul McCartney a traitor? The Kremlin would like you to think so // *The Christian Science Monitor*. 25.09.2014. URL: <http://www.csmonitor.com/World/Europe/2014/0925/Is-Russia-s-Paul-McCartney-a-traitor-The-Kremlin-would-like-you-to-think-so> (дата обращения: 27.09.2014).

18. *Wood L. T.* Terrorists, Putin and the Hubris of Sochi // *NYPost*. 01.04.2014. URL: <http://nypost.com/2014/01/04/> (дата обращения: 03.10.2014).

ЛИТЕРАТУРА

19. *Арутюнова Н. Д.* Речеповеденческие акты в зеркале чужой речи // Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис / ред. Т. В. Булыгина. — М. : Наука, 1992.
20. *Бахтин М. М.* Автор и герой: к философским основам гуманитарных наук. — СПб. : Азбука, 2000.
21. *Бурак А. Л.* Россия. Русско-английский культурологический словарь / А. Л. Бурак, С. В. Тюленев, Е. Н. Вихрова ; под общ. рук. С. Г. Тер-Минасовой. — М. : Астрель : АСТ, 2002.
22. *Вайс Д.* Интертекстуальность в Госдуме (Депутаты любят цитаты) // Политическая коммуникация: перспективы развития научного направления : материалы Междунар. науч. конф. (Екатеринбург, 26—28.08. 2014) / гл. ред. А. П. Чудинов ; ФГБОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». — Екатеринбург, 2014. С. 43—45.
23. *Вежбицкая Анна.* Понимание культур через посредство ключевых слов / пер. с англ. А. Д. Шмелёва. — М. : Языки славянской культуры, 2001. (Язык. Семиотика. Культура. Малая серия).
24. *Иванова С. В.* Политический медиа-дискурс в фокусе лингвокультурологии // Политическая лингвистика. 2008. № 1 (24). С. 29—33.
25. *Иванова С. В.* Политический ребрендинг от противника как коммуникативная стратегия // Политическая лингвистика. 2013. № 4 (46). С. 42—46.
26. *Иванова С. В., Чаньшьева З. З.* Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения : моногр. — Уфа : РИЦ БашГУ, 2010.
27. *Каравлов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. — М. : Едиториал УРСС, 2003.
28. *Лотман Ю. М.* Статьи по семиотике культуры и искусства / сост. Р. Г. Григорьева ; предисл. С. М. Даниэля. — СПб. : Академический проект, 2002. (Сер. «Мир искусств»).
29. *Нахимова Е. А.* Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования : моногр. / Урал. гос. пед. ун-т. — Екатеринбург, 2011.
30. *Падучева Е. В.* Показатели чужой речи: мол и дескать. URL: <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf/kxenomarkery.pdf> (дата обращения: 1.11.2014).
31. *Плунгян В. А.* О показателях чужой речи и недостовренности в русском языке: «мол», «якобы» и другие // Wiener Slawistischer Almanach. — München : Sagner, 2008. Sonderband 72. S. 285—311. URL: <http://www.academia.edu/8181009> (дата обращения: 1.11.2014).
32. *Чаньшьева З. З., Гайнанишин М. Ф.* Синергетический эффект экономической метафоры в интердискурсивном пространстве // Вестн. Балт. федерального ун-та им. И. Канта. Филол. науки. — Калининград, 2014. № 2. С. 98—106.
33. *Hirsh E. D. Jr., Kett J. F., Trefil J.* The New Dictionary of Cultural Literacy. — Boston ; New York : Houghton Mifflin Company, 2002.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. Е. А. Нахимова.